

Ю л и я К и м

НЕ ТАКАЯ

Варенька всегда была какая-то не такая. Первым сей факт озвучил ее отчим, тогда еще будущий.

Букетно-конфетные отношения с Варенькиной матерью приближались к логическому завершению. Отчим присел на корточки, изобразил на лице лучезарнейшую улыбку и аккуратно потрепал малышку за мизинец. Варенька как была утрюмой, так и осталась. Отчим поднялся, выразил обеспокоенность глубокой горизонтальной морщиной на лбу и выдал, обернувшись к будущей жене, ту самую фразу, которая преследовала Вареньку всю оставшуюся жизнь: «Какая-то она у тебя не такая».

В воспитание падчерицы он больше не лез. В ситуациях, требующих педагогического воздействия, отгораживался газетой или чем придется. Посему, рассказав, от кого пошла судьбоносная для Вареньки фраза, оставим отчима в покое.

Двадцать пять лет спустя перед матерью Вареньки возникла — громко, точно трактор, как мать выразилась «какая-то непонятная тварь», — и стала просить, нет, не так, стала нагло требовать отпустить ее дочь с ней незнамо куда.

«Она нам нужна. Ей будет хорошо, — сухим, простуженным, машинным голосом твердило существо. — Она вам не нужна. Ей у вас плохо».

Мать Вареньки где-то очень глубоко, в потемках сознания, там, где слезалась тугим комом подгнивающая правда, понимала, что так оно и есть. Но отпустить родную дочь чёрт-те с кем, даже с ее согласия, было как-то не по-человечески.

Безусловно, дочь ее была странновата. Варенька категорически отказалась ходить в детский сад. В первое посещение она послушно зашла в группу, весь день провела на стульчике с не понятным никем выражением лица. На провокации ясельных забияк не реагировала, и они отстали. Когда нехорошие дети замахивались, Варенька невозмутимо уворачивалась. Если вернуться не получалось, она не плакала,

а лишь баюкала ручкой больное место, пока обидчик получал свое от добродушной, громкоголосой воспитательницы.

На попытки дружелюбных детей завести с ней ласковую ясельную дружбу Варенька тоже не откликнулась. Брала протянутые игрушки, вертела в руках и сразу отдавала обратно.

В обед Варенька была передана воспитательницей в руки матери со словами, что все хорошо, девочка не плакала, детей сторонится, но привыкнет.

А наутро, когда пришло время собираться в детсад, Варенька проявила необъяснимое упорство. Она вела себя, как кошка, которую пытаются окунуть в ванну для помывки. Орала в голос квадратным жарким ртом, цеплялась за материнскую ногу, даже кусалась.

Ни в тот, ни в следующие день оставить Вареньку в группе не удалось. Дома она медленно успокаивалась, всхлипывала, засыпая, обессиленная.

Так и маячила Варенька все свое дошкольное детство перед матерью, бабушкой и отчимом.

Мать Вареньки сама не могла определиться, *что* есть ее дочь, бросаясь из крайности в крайность.

То ей казалось, что она законченная эгоистка, думает только о себе и делает все только так, как ей надо. Можно ведь быть помягче, не такой упертой. Прислушиваться хотя бы иногда к мнению других и делать хотя бы что-то так, как они говорят.

Варенька же, если ей что-то было не нужно, прямо об этом сообщала, и мать часто не могла понять, почему она отказывается от очередной чудесной возможности.

Взять историю с музыкальной школой, куда Вареньку записали, между прочим, с ее согласия.

Девочка вроде бы загорелась, взбодрилась с появлением инструмента в доме. Гладила нежно, как ценность, белую элегантную «Ласточку». Касалась осторожно клавиш и долго прислушивалась к уходящему звуку, наклонив набок русую головку, гадая, где он теперь.

Варенька садилась за пианино и пыталась наиграть мелодию из своей головы. Иногда получалось. Но из затей с музыкальной школой ничего хорошего не вышло.

Отупляющие упражнения никак не увязывались у Вареньки с сочным, утасоющим в углу комнаты звуком. Варенька старательно училась,

но занятия в музыкальной школе не имели ничего общего с музыкой. Искорки в душе погасли, как густые, тяжелые звуки «Ласточки», и учиться Варенька отказалась, как отрезала.

Дебелая, басовитая, резко пахнущая смесью духов и пота преподавательница недоумевала. Вроде большая девочка, а все как ребенок. Мать укоризненно качала головой, говорила про усидчивость, упорство и не понимала дочь.

Или взять ту же историю с билетом в Большой театр. Давали что-то грандиозное, и в день спектакля у подруги матери оказалось два лишних билета. Мать никак не могла найти слов, чтобы объяснить подруге, что у дочери сегодня не то настроение, что ей хочется, видите ли, просто побыть дома. Все, что мать пыталась произнести, загоразживалось огромными буквами: «Неблагодарная!»

Разве может дочь так непреклонно знать, что ей нужно?

С другой стороны, мать считала, что дочь ее слаба, непрактична и непригодна к реальной жизни. Обосновать это она не пыталась, лишь подтягивала неудачи Вареньки к теории. В семье не без гуманитария, на которого Варенька и пошла позже учиться.

Мать добросовестно и технично выполняла свой долг, гордилась дочерью, когда у той все шло хорошо, но постоянно ждала от нее подвоха. Дождавшись, выражала всей собой: «Ну я же знала».

Варенька впитала это в кровь и вела себя с матерью несколько отстраненно, душу не раскрывала.

Впрочем, Варенька ни с кем о себе особо не распространялась, ни в школе, ни в университете. Ее уважали, не обижали, но сторонились, не связывались. Чужали чуждость.

Варенька реакцию сверстников понимала и не обижалась. Она чувствовала, что действительно холодновата, что не хватает ей для нормальности какой-то искорки. Что колесико, из-под которого должна появиться искра, заело, зацепилось оно за что-то и не хочет крутиться.

Поэтому и сторонилась Варенька всех, чтоб и людей не напрягать, и самой не напрягаться.

Подруг у Вареньки сроду не было, но одно время присутствовал в ее жизни бойфренд Борька, простецкий парень, разлапистый, громоздкий, как шкаф, запавший на ее иноземность.

Варенька сразу приобрела для Борьки двойкий, одновременно сакральный и греховный смысл. Он молился на удлиненное, словно

картинное, лицо, увязал во влажных медовых глазах, тискал, потел и силясь быть бережным, тонкие пальцы с мерцающими ноготками и пожирал глазами хрупкую, надломленную какую-то фигурку.

Что уж бог дал Вареньке, так это россыпь тяжелых льняных волос, отливающих розовым на солнце. Когда обнаженная Варенька возлежала на них, Борька мычал, желая одновременно и лелеять неприкасаемо это тело, и стиснуть, раздавить, осквернить непостижимое божество.

Разговаривать им было особо не о чем. Варенька в сексе все пыталась расчувствовать некую мелодию, гармонию происходящего. Она оглашала ее нечленораздельными постельными звуками, но Борька не мог взять в толк, чего от него хочет подруга, и постепенно эти отношения стали вызывать раздражение у обоих, а затем сошли на нет. С тех пор Варенька искала себе партнеров, но без фанатизма.

Бабушка Вареньку просто любила, а потом умерла. Варенька долго пыталась насильно удержать бабушкино тепло, как пытаешься удержать тепло любимого человека на остывающей с его стороны постели. Но оно ушло, растворилось в окружающем воздухе, сравнялось по температуре с ним. Хотя не могло же оно исчезнуть бесследно?

Как-то Варенька сидела с бабушкой в очереди в детскую поликлинику, прижималась к мягкому бабушкиному боку, вдыхала ее старческий запах. «Какие умные глазки,— сказала женщина в очереди.— Мой оболтус-оболтусом в этом возрасте, а у вашей внученьки вон какие живые, серьезные глазки». Бабушка ничего не ответила, лишь улыбнулась. Она просто любила.

Умной Варенька себя не считала, особых увлечений у нее не было. Посещала, как и все, разные кружки. «Умелые руки», «Юный натуралист», даже шахматный с математическим. Про музыкальную школу вы уже знаете. Никаких особых способностей у нее, в итоге, не обнаружилось. Гуманитарий как гуманитарий. Правда, Варенька много читала. Сначала все подряд, наслаждаясь ритмом текста и воспроизводя его внутри себя. Потом все больше о чудесном и неведомом.

Ближе к юности Варенька вычитала, что она интроверт, на том успокоилась, рефлексировать прекратила и попыталась просто жить. Это кое-как получалось до появления Твари. Но еще раньше в жизни Вареньки произошли серьезные изменения.

Поздней осенью деревья стояли почти голые. Лишь кое-где за ветви цеплялись мертвые листья. Варенька сидела на скамейке в парке и ничего не делала.

Взгляд ее блуждал по кронам, за которыми промокало мрачное небо. И вдруг фокус сдвинулся, унылая картинка преобразилась, и глаза Вареньки выхватили из сцепления веток узор. Варенька сразу поняла, что он необыкновенный, и впервые в жизни испытала такое сильное возбуждение, что аж мир вокруг прояснился.

Дальше все происходило очень быстро. Варенька рванула домой, спотыкалась, отмахивалась от библикающих на нее машин, но держала мысленный фокус на узоре, ужасаясь возможности позабыть его. Ворвалась в квартиру, на обороте первой попавшейся бумажки набросала узор и, только убедившись, что вот он, никуда не денется, выдохнула и присела, вся сияя.

С узором срочно надо было что-то сделать. Варенька метнулась в кладовку и, скидывая на пол ненужный хлам, нашла клубок мягкой тонкой проволоки. Пальцы сами сплели из нее узор. Варенька удивилась, до чего ловко справилась. Ведь до этого никаким прикладным творчеством она не занималась.

Безделушка получилась симпатичная. Мать покачала головой над блажью дочери и ушла на кухню готовить обед. Задумалась дочь и решила вписать узор из проволоки в нечто практичное.

Серезжки у нее действительно получились. В них Варенька стала совсем как инопланетянка. Селфи свое, первое в жизни, выложила она в Фейсбук.

Варенька пользовалась популярностью в соцсетях, хотя общительностью не отличалась. Она закидывала в фейсбучный гул емкие фразы, скорее ритмы, обращенные в слова. Ритмы выныривали откуда-то у нее в голове и начинали кружиться, набирая темп.

Фразы нравилось френдам. А голове Вареньки становилось легче. По-другому освободиться от мельтешения голосов и звуков она не умела. Нельзя же было выйти в людное место и крикнуть нечто такое всем. Наедине, например, матери, ничего такого Варенька тоже сказать не могла. Какое-то не такое оно было.

Первый Варенькин узор получил рекордное количество лайков от френдов, добрых и всеядных, но появились под фото сердечки и смайлики и от посторонних людей.

Тогда и нашел ее, легко и случайно, тот самый зарубежный дом моды. Думала Варенька сначала, что стучится к ней опять один из

широкоулыбых иностранных женихов с многочисленными поцелуйчиками. Хотела удалить его, но жених закричал, коверкая язык: «Нет-нет, постойте, я ювелирный салон, сейчас вышлю вам официальное письмо, и вы поймете, что это правда».

И действительно выслал письмо с вензелями и жирной печатью, купил серьги со странным узором, а через пару недель приехал к Вареньке лично, прямо из Франции, с переводчиком, смуглый и вертлявый, в бесцветную, сразу ставшую стыдной Варенькину с матерью квартиру и там же заключил контракт на невиданную до этого для Вареньки сумму.

На контракт Варенька согласилась, потому что удостоверилась к приезду француза в своем даре. Она умела различать неземные узоры не только сквозь голые ветви, но и сквозь солнечные блики, струи воды, собственные ресницы, облака, стаи птиц, лепестки цветов и еще через многие и многие предметы и субстанции.

И закрутилось. Явь долго казалась Вареньке сном. Узоры расхвтаывали, как горячие пирожки. Популярность оказалась легкой.

Появились деньги.

Правда, с деньгами жила Варенька так же, как без них. Разве что проволока стала серебряной, да обстановка с ремонтом в квартире — новыми, да одежда добротной, но, по сути, ничего не изменилось.

Деньги с удовольствием осваивала мать Вареньки. Варенька же все плела и плела увиденное. Нужды окружать себя предметами и атрибутами у нее никогда не было. Искорка сквозь ее душу проскакивала лишь от нового сцепления линий. В эти моменты Варенька на время заполнялась жизнью и бежала воплощать свой узор в нечто земное.

С каждым новым узором внутри Вареньки расцветало нечто прочное и живое, так что очень скоро назвать ее надломленной ни у кого язык бы не повернулся.

Встала она однажды посреди комнаты, прощупывая пальчиками ног рельеф деревянного пола, потянулась вверх тонкими ручками, оглядела белый свет вокруг, попутно подмечая новые узоры, не боясь их забыть, и все в ней в этот миг окончательно прояснилось.

Уникальность ее наконец-то стала очевидна ей самой. Только глаза Вареньки способны были видеть такое, только пальцы Вареньки делали его земным.

Тогда-то и появилась Тварь. Хотя Тварью ЭТО назвала мать. Варенька бы придумала ей другое имя, теплое и домашнее, но мать опередила.

Варенька и сама чувствовала уже, что в жизни не происходит того, что должно происходить, поэтому была рада событию. А случилось это так.

Еще до популярности Вареньку, как, впрочем, и многих, атаковали в сети одинаковые на лицо бодрые коучи.

Коучи активно наполняли сеть публикациями о своей душевной и духовной жизни и настойчиво предлагали другим возмездную помощь в личном усовершенствовании или продвижении бизнеса.

Денег на свое усовершенствование у Вареньки в то время, слава богу, не было, а когда она окончательно поняла все про свою уникальность, потребность в совершенствовании отпала. А вот продвигаться, по мнению Вареньки, надо было, хотя и так все складывалось одно к одному. Только долго не верилось Вареньке, что продвижение может случиться само собой.

Из коуч-хора выделялся и манил, как сирена, один голос. Неожиданно голос позвонил сам и предложил тренировку. Варенька почему-то сразу согласилась.

Коучем оказалась хрупкая высокая блондинка с ямочками на мягких щеках и ласковым, чуть хрипловатым голосом. Обычная школьная ручка в ее пальцах, до того тонких, нежных, почти прозрачных, что сквозь розовую кожу просвечивали суставы, выглядела топорной. Коуч катала ручку по столу, ненавязчиво рассматривала Вареньку, расспрашивала о жизни, одобрительно кивала, и, чем ближе подходила Варенька к рассказу об истории с узорами, тем светлее и прозрачнее становились лицо и кожа коуча.

Вот уже сквозь кожу стали видны необычные разветвления сосудов и еще что-то, что было внутри. За разговором, непривычно теплым и домашним для Вареньки — так бы беседовала она не с коучем, а с покойной своей бабушкой — как-то само собой стало понятно, что сидит перед ней совсем не человек. И узоры, те, диковинные, заплясали в воздухе серебром, точно выразили одобрение происходящему.

Как Варенька увидела узоры, так и поняла, что очень даже она такая, только не здесь.

- Мы не сможем взять тебя с собой насильно, — сказало существо.
- Да я и не возражаю, — отвечала Варенька.

В ответ существо объяснило, что мать Вареньку должна отпустить добровольно.

— Мой коллега беседует сейчас с ней о твоей судьбе. Нрав у него жестковатый, но так надо. Главное, что ты меня сразу узнала. Мы не можем забрать тебя с собой, пока существует такая сильная родственная связь. Она будет тянуть тебя назад, как ниточка из клубка, и ты опустошишься. Хорошо, что детей и мужа у тебя нет. — Прозвучало это как-то не по-человечески, но Варенька поняла, что хочет сказать серебристый сгусток и не обиделась. — Возврата назад не будет.

От последних слов у Вареньки потеплело внутри и стало мокро в глазах.

Дома мать встретила Вареньку упреками. Все стало так хорошо, чего же Вареньке еще надо?

Мать рассказала, как ее навестила наглая Тварь. Механический голос Твари до сих пор звучал в голове у матери. После того, как она отказалась отпустить Вареньку, Тварь с досадой плюнула чем-то нечленораздельным и злым, в сердцах шлепнула на пол свое отражение, сама стукнулась об пол, типа «тупая ты земная баба», и быстро растворилась в воздухе, точно боялась сболтнуть или сделать что-то лишнее.

«Как я могла ее отпустить?» Всю жизнь потом мать надувалась от гордости при воспоминании о проявленной твердости. Еще бы, не отдала свою дочь незнамо куда и кому.

Закончилось все тем, что свет поморгал и погас. Твари больше не появлялись.

«А что же Варенька?» — спросите вы.

До того уверена и непреклонна была мать, такой любовью пылало материнской сердце, что Варенька, хоть и поплакала несколько дней, но успокоилась.

Да и что она могла сделать? К тому же подхватила Варенька сразу после посещения Тварей жестокий грипп, возможно, от них и подцепила иноземную заразу и слегла пластом. Так что не до поворота судьбы ей было.

Мать за ней ухаживала особенно тщательно, холила, лелеяла, нависала над кроватью с вкусами и полезным питьем.

А когда Варенька впервые после болезни встала и прибирала волосы перед зеркалом, мать невольно остановилась перед дверью в ее комна-

ту и разглядела дочь из-за дверного косяка. Впервые мать заметила, что Варенька не совсем ей чужая. То ли болезнь была тому виной, то ли свет так лег, но волосы на солнце были как волосы, русые и посеченные, без всякого розового оттенка. И, если подстричь их покороче и попрacticalнее, если, не дай бог, конечно, останется Варенька такой же, как сейчас, после болезни, если прибавится на ее лицо морщинок и сгладится изгиб губ, то очень даже будет она похожа на нее, мать.

Варенька обернулась, почувствовав взгляд, мать улыбнулась одобряюще, попутно отметив, что глаза у дочери совсем не медовые, а обычные, карие.

И пошла у них простая, нормальная жизнь. Только Варенька сразу поняла, что это — все. И не о чем, собственно говоря, больше рассказывать.

Правда, казалось Вареньке временами, что ждали чего-то от нее Твари. Действия, рывка ли, так и не поняла она, что надо было сделать.

Вроде чего-то не договаривало существо, мялось по-своему, поинопланетному, но прозрачнее намекать не хотело или не умело.

Побултыхалось это непонятое ощущение у Вареньки в голове, помотала она ею, потрясла. Вылилось в итоге оно в запутанный узор, который купил за нереальную сумму арабский знаток.

Узоры Варенька по-прежнему различала, но чувствовала, что видит лишь тень от того, что было. Словно отрезал ей кто-то щедрый кусок, как своей, авансом. А отбирать как-то нехорошо потом было, некрасиво, как изо рта вырывать. Да и кусок был уже надкусан.

Вскоре Варенька перестала быть модной. Интерес к ее украшениям потихоньку потух, как затухает, впрочем, вспыхнув и погорев, все живое. Ничего необычного в этом не было.

К серебряным узорам привыкли, как способны земляне привыкать ко всему, и, хотя спросом они пользовались, но ажиотаж прошел. Остался лишь спокойный интерес. Да и ноги у ее славы росли из места непонятного, какого-то не такого.

На безбедную жизнь Вареньке с матерью хватало, и слава богу.

Скорее всего, Вареньке все равно чего-то недоставало в жизни, но сама она этого уже не замечала.

Стала Варенька заметно блекнуть, как, впрочем, блекнет все красивое со временем. Хотя до старости ей было еще далеко. Стало очевидно, что Варенька удивительно похожа на мать.

Тут и пенсия подоспела. К тому времени сама Варенька и все вокруг напрочь забыли, что она когда-то была какая-то не такая.

И если бы непреклонные твари сфокусировались там у себя наверху и заглянули бы к Вареньке еще лет через десять, то не нашли бы ее, а обнаружили бы в квартире двух неразличимых старушек возраста дожития, одна из которых по привычке высматривает что-то вокруг подслеповатыми глазками и задумчиво перебирает воздух артритными пальчиками, точно пытается что-то в нем нащупать.

Тварь, возможно, огорчилась бы, если бы могла огорчаться, а, может быть, отправилась бы на поиски другой Вареньки.

Кто же их знает, тварей-то? Вечно они какие-то не такие.

